

Не стать бы памятником „уникальности“

Детский писатель — как детский врач, любил говорить Маршак.

А ведь в самом деле: какая разница между «детским» и «взрослым» врачом? Между детским и взрослым театром? Какое отличие лекарства для детей и для взрослых? Очевидно, дело в дозе: то, что для взрослого целебно, для юного существа может оказаться — если и не смертельно, то не полезно. У детского театра — иное зрение, иной угол подачи материала, иная интонация...

Об этом я подумал, прочитав в «Кировской правде» статью главного режиссера тюза А. Клокова «Приглашение к разговору» и его интервью газете «Комсомольское племя».

Сначала о статье. Она подкупает юношеским задором, желанием создать поле уважения, почтения вокруг театра, упрямой энергией идти пока неясным, но «другим» путем. Статья с милой путаницей терминов и понятий, но эмоциональная, с призывом к полемике, но не полемичная — это, скорее, похоже на программу театра.

Никто из здравомыслящих деятелей театра не станет оспаривать, например, такой тезис: «Театр, если он хочет говорить со своим зрителем о чем-то очень важном, а нам кажется и новым, не может не вызвать конфликт в зрительном зале». Правда, конфликт конфликту рознь!

А какой театр не мечтает видеть в своем зрителе «высокий вкус, индивидуальность восприятия, душевную тонкость, эмоциональную отзывчивость»? Только для этого надо потрудиться!

Кто из работающих в театре — за «стереотип в восприятии», за «обилие общих мест и формальную патетику»? Какой театр против «обретения своего лица, своей творческой программы»? Кто из актеров оспаривает «сложность быть личностью на сцене» или не знает, что «необходимо постоянное совершенствование — человеческое и

профессиональное»? Другое дело, и справедливо, что не все выдерживают напряжение постоянного внутреннего конфликта с окружающей жизнью, не так жаростно желание немедленно что-то изменить вокруг, сделать лучше, человечнее, красивее. И, наконец, я еще не встречал театров и театральных деятелей, мысли и программы которых лежат вне идеала Красоты и Гармонии. Перечитывая статью, я еще раз убедился в том, что в театре всякая идея живет только в драматической форме — и это нормально. Тревожит другое.

Тревожит позиция автора, выраженная в желании развиваться вне традиционной связи детского театра с культурной ситуацией города. Попробуем подумать о причинах.

Можно понять раздражение деятеля детского театра от того, что долгое время в стране происходило некое «сюсюканье» вокруг специфики театра юных зрителей. За счет этого списывалось многое, занижались требования, создавалось мнение о второсортности театрального искусства для детей. Поэтому радует, что сегодня Кировский тюз пытается найти автономию спектакля. Обрести независимость от зрителя, чтобы между сценой и залом существовала дистанция.

Дистанция уважения, дистанция почтения. Дистанция стимулирует познание. Цель ясна — зритель должен прикоснуться к магии театра, к поэзии. Цель, достойная уважения, но путь... Вот на этом хотелось бы остановиться подробнее.

Сейчас в городе Кирове существуют три профессиональных театра: театр кукол, тюз, драматический. Наш город богат театральными традициями. Есть завоевания, есть просчеты — это тема отдельного разговора. Связь между театрами складывалась не одним днем, не всегда однозначно и гладко, но конечная цель цементировала эту связь. Теперь самое

время процитировать А. Клокова: «Кировский тюз, отличаясь от многих тюзов страны, безусловно далек от традиционного понимания тюза...», а дальше я не нашел идей или проблем, связанных с понятием «детский театр». Наоборот, идет сознательный уход от этой темы. Репертуар театра дает основание только при помощи богатой фантазии догадываться, что имеешь дело с детским театром. Нет главного — в репертуарной политике трудно проследить поступательное движение от простого к сложному.

Такое отношение к искусству для детей, как недостойное серьезного разговора, пугает. Что это? Высокомерие, застенчивость называться тюзом или проявление неинтереса к детской теме? Во всяком случае это мало похоже на поиски своего лица, своей творческой программы, ибо все это происходит без учета «предлагаемых обстоятельств».

У детского театра есть своя специфика, и целиком переносить на него законы взрослого драматического театра, по-моему, нельзя. Конечно, каждый волен сам выбирать принципы и метод в искусстве, но беда в том, что театр юного зрителя легко может превратиться в обычный драматический с каким-то количеством сделанных детских спектаклей. Просится такое сравнение: подросткам всегда хочется скорее стать взрослыми. Я тоже в этом возрасте прибавлял себе годы. Торопился вкладывать свои силы в то самое «настоящее» дело, которое, как был уверен, чаще всего находится за рубежом юного возраста. А здесь и важно всю эту энергию направить по правильному пути, и у Кировского тюза в этом есть свои замечательные примеры.

Совсем недавно главный режиссер Центрального детского театра Алексей Бородин, несколько лет возглавлявший театр юного зрителя в г. Кирове, заметил, что детских театров в стране до

обидного мало, например, для Москвы, двух театров юного зрителя явно недостаточно.

Юным кировчанам повезло: у них есть свой театр. Но испытывают ли они мощное и достаточное влияние единственного в городе театра юного зрителя, является ли он властителем их умов и сердец?

Обратимся к А. Клокову: «У нас сложились совершенно особые отношения между театром и городом, между сценой и залом. Эти отношения не просты... Тот уровень разговора, который предлагает наш театр зрителю, сложен. Иногда непонятен, часто просто не нужен кому-то... Стремление быть понятным, доходчивым часто лишает нас (театр) своей индивидуальности... Что же делать театру в сложившейся ситуации, скажу: оставаться самим собой, сохраняя свое лицо...»

Сами по себе эти мысли замечательные, если бы в них я не улавливал «культу индивидуальности». Встав в эту позу, театр, как мне кажется, упрощает себе задачу. На деле получается: конфликт с большей частью зрителей — есть, а желание эту часть сделать лучше, тоньше, умнее отсутствует. Вот здесь и есть разрыв связей театра с культурной ситуацией города, который выливается в важный вопрос «зрителя».

Таким образом, драматический театр получает «эстафету» от тюза в качестве элитарного зрителя, что составляет лишь малый процент зрительного зала и большую часть зрителя, но в «собственном соку», который не понял и ушел от сложного и серьезного разговора в тюзе. Есть опасность, что такой зритель отвернулся не конкретно от Кировского тюза, а от театра вообще и дружными рядами двинулся на «Новых амазонок». И получается, что тюз памятником «уникальности» стоит в стороне и, наслаждаясь состоянием собственной мудрости, не подозревает, что работать для меньшинства проще. Я

думаю, что этот важный вопрос станет предметом серьезных разговоров на самых разных уровнях.

Я не за инфантильность мышления в детском театре, не за заигрывающий со вкусами зрителей театр, не за униформатизацию. Я за радость общения с театром Красоты и Гармонии для детей. Мне кажется, Кировским тюзом забыта старая истина: в детском театре глубина, серьезность разговора может быть разной, но форма... Макаренко писал, что особенность, специфика детской литературы, а стало быть, и искусства для детей состоят не в том, что написано, а в том, как написано. То есть, по мысли выдающегося педагога, юный человек в лобом, даже самом раннем возрасте способен все понять, все правильно оценить, во всем разобраться.

Но чтобы он все понял и во всем разобрался, форма беседы с ним (это и есть «как!») должна быть особой. Владение этой особой формой при разговоре с юностью о больших проблемах бытия человеческого и есть талант детского драматурга, режиссера и артиста детского театра. Найдя эту форму, театр перестанет гордиться тем, что его язык непонятен или часто просто не нужен кому-то, театр выйдет на новый уровень развития. И согласится, что уникальность детского театра в том, что он должен приносить радость, а не делить зрительный зал «пополам».

Не повернувшись лицом к детству, вряд ли кто поймет, что если во взрослом, безумно важном дяде или тете потеряно ребенок, потеряно детство, то это человек без корней, человек без будущего.

Никакие решения, никакая абонементная система не привлекут в театр подростка или юношу, не научившихся и не наученных быть зрителем. В этом, по-моему, и есть высокая миссия созданного пятьдесят два года назад Кировского театра юного зрителя. Главному режиссеру, обнаружив программу детского театра, об этом надо всегда помнить.

В. СТЕПНОВ,
зав. литературной частью областного драматического театра имени С. М. Кирова.

От автора. Гонорар прошу перечислить в Детский фонд имени В. И. Ленина.